

А. Штеффен

К истории антропософского движения

Изложение лекций, прочитанных Р. Штайнером
перед членами Антропософского общества
в Дорнахе 10-14 июня 1923 г.

I

Изучение процесса развития значительных личностей и культурных течений, проведенное добросовестно, всегда приносит с собой самоанализ, самосознание. Невольно оглядываешься при этом на себя и стараешься определить свое место, как бы скромно оно ни было, в историческом процессе. Вглядываешься в будущее, чтобы найти цель человечества как такового. Начинаешь угадывать, как принять участие в борьбе со своими силами, каковы бы они ни были - великие или малые.

В таком смысле были восприняты большинством слушателей лекции, прочитанные доктором Р. Штайнером с 10 по 17 июня 1923 г.: "История и условия существования антропософского движения в его соотношении с Антропософским обществом". Для каждого, кто не замкнулся от современного развития в узком кругу буржуазных интересов, лекции эти явились как бы зеркалом. Исследователь духа в них познал путь современного человека.

Рудольф Штайнер прежде всего выявил причины, делающие современного человека ищущим, будь то из каких-либо побуждений познания, из импульсов чувства или благодаря каким-либо поводам, казалось бы внешним, но которые потом неожиданно приводят к душевному углублению.

Р. Штайнер попытался выявить общие черты у таких "людей без родины". Это люди, вынужденные своей внутренней судьбой сойти с обычной, торной дороги цивилизации, по которой движется большая часть современного человечества. Затем, как противоположность, он обрисовал обычный тип человека наших дней: как последний, рождаясь, занимает свое место в жизни и без особого размышления принимает то, что ему дает семья, народ и религия; таким образом, он ставится на известный путь благодаря наличию определенных общественных соотношений. В таком же смысле происходит воспитание, и ооучение о школе. Над детьми витают мысли, хотя и невысказываемые, но готовящие их путь - "кого получит в мужья моя дочь? Станет ли мой сын имеющим право на пенсию чиновником?" Этим предначертано направление - из прошлого, которое было обусловлено жизнью предшествовавшего нам поколения, в будущее, становящееся все более хаотичным.

Для многих из таких "сознательных" созданий было бы невыносимым задуматься над тем, что они вовсе не в силу своих личных заслуг занимают в жизни такое

прочное положение. Они потеряли бы уверенность, если бы занялись самоанализом. Они показали бы себе весьма ничтожными. Но это чувство собственного ничтожества предпочитают не будить; если же оно просыпается, его вытесняют подальше в область подсознания, где оно в лучшем случае может быть открыто каким-либо психоаналитиком как тайные области души, и если вытесненные чувства бунтуют, учиняют восстание, то они могут быть "замещены".

Один, считающий себя недостаточно оцененным, сжимает кулаки в карманах, другая раздражается бурной сценой из-за того, что жизнь не приносит ей удовлетворения, а потом они надевают фрак или бальное платье и едут на бал, одурманивают себя вином - затем отсыпаются: так проходит время. Или они примыкают к какой-нибудь партии, изливают, смотря по своим духовным дарованиям, некое сияние славы на область, в которую вросли, думая, что этим они сделали достаточно и для Бога, и для мира. Так, в полусне, по широкой, столбовой дороге движется значительная часть человечества.

Но некоторые не могут и не хотят идти вместе со всеми, так как хотят следовать тому, что заложено в них самих, следовать этому вполне сознательно: "Личность - высшее счастье смертных" (Гёте). Они предпочитают лучше идти боковыми тропинками, чем быть несомыми толпой. Таким образом, в духовном отношении они свободнее, даже если в физическом они наталкиваются на препятствия, заросли, пропасти... По крайней мере, они не теряют из виду своей высокой цели.

Кто с самого начала не отвергнет мысли о повторных земных жизнях, как ее излагает Рудольф Штайнер в своих Всеобъемлющих произведениях, но честно и последовательно продумает ее до конца, тот должен будет сказать себе, что у натур столь противоположных, как "стадный" человек и одиночка, бытие их энтелехии до рождения должно быть неодинаковым. Эти два типа людей предназначены каждый к своему земному пути. Здесь слово "предопределение" действительно уместно.

Различия бытия до рождения двух описанных родов людей надо представлять себе следующим образом. Душа, задолго до того, как она приходит на землю через врата рождения, сливается с течением, действующим в поколениях предков, и соединяется с рядом предков, в конце которого находится родительская пара, рождающая человека на свет. Такая душа видит, из потустороннего мира, как на протяжении долгих периодов воплощается ряд поколений, в который она вплетена. Она следит за тем, как готовится ее путь в земное бытие. Смотри по тому, развивает ли душа более или менее интенсивный интерес (в данном случае понимаемое обыкновенно весьма абстрактно слово "интерес" надо понимать по возможности конкретнее, т. е. *inter esse* - "быть внутри чего-нибудь") к этой подготовке, т. е. постепенному нисхождению на землю, или нет, в зависимости от этого душе, когда она наконец приходит к рождению, предопределяется иметь "родину" или быть "без родины". Души, которые в жизни до рождения развивают сильное вожелание к земному бытию, будут, воплотившись, двигаться по широкой, торной дороге. Души же, которые, чтобы созреть в духовном мире,

насколько возможно дольше задерживаются там, - души эти, родившись, скорее перерастают свое окружение и ищут себе собственный путь.

Души, одаренные родиной, долго остающиеся в своем гнезде, и души без родины, быстро улетающие, уже до рождения предназначены каждая к своей судьбе. Кто с бодрствующим сознанием рассмотрит жизнь последних десятилетий, тот заметит, что таких душ без родины становится все больше. Стремление иметь "дом" по собственному выбору растет в них. Когда-то такое стремление привело многих из таких ищущих в Байройт. Это были не только люди, следовавшие последней моде, - мужчины с длинными, дамы с короткими волосами, томимые сплином (д-р Штайнер даже знал одного, который ходил на представление "Парсифаля" босоногим паломником). Были среди них и души, стремившиеся к духовному углублению, чувствовавшие, что образы и действия вагнеровских музыкальных драм имеют свое происхождение в ином мире, чем тот, который считался тогда единственно реальным. Они здесь смутно чувствовали как бы врата из физического мира в духовный. Атмосфера, окружавшая их в Байройте, будила в них разнообразные интуиции.

Отражением этой эпохи, уже отошедшей в область истории, являлись "Байройтские страницы". Толкования "Летучего голландца", "Тристана и Изольды", "Нибелунгов" и т. д. ищут путь в сверхчувственное. То, что в них писал Ханс фон Вольцоген, напоминает иногда то, чем грешили при объяснении художественных произведений теософы различных течений.

В Байройт собирались люди, хотевшие выбраться из грубого, материального мира, - художники, философы, адвокаты и даже естествоиспытатели, здесь уже не особенно заботившиеся о тех доказательствах, которые они сами создали в пользу существования одного физического мира. Людей, для которых вагнерианство было своего рода преддверием духовного мировоззрения, Рудольф Штайнер знал также в Вене в конце 80-х гг. Но там они прошли чрез известную метаморфозу. Прибавилось психологическая глубина - особенно благодаря Достоевскому. Образ Раскольников (из "Преступления и наказания") их поразил.

Благодаря Вагнеру - в сторону космического, благодаря Достоевскому - в сторону душевного, раскрылись новые области; но проблески эти не опирались ни на познание мира, ни на самопознание. Рудольф Штайнер, для которого существование духовного мира с ранней юности было самоочевидным, стоял перед задачей: дать людям нашего времени познание мира и самопознание. Без испытанных, проверенных приемов для познания мира и самого себя духовная жизнь неизбежно выродилась бы в фантастические мечтания и истерию.

Всех этих людей Р. Штайнер наблюдал в жизни с чувством сердечности и теплоты. Были среди них знавшие Е.П. Блаватскую, уже написавшую тогда два своих главных произведения, "Разоблаченную Изиду" и "Тайную доктрину", книги, к которым было трудно занять определенную позицию. В них содержалось множество древнейших истин, приобретенных в доисторические времена путем

атавистического ясновидения, истин, которые раньше могли нести людям свет, но которые у Блаватской переплетались с невероятной бессмыслицей и суевериями.

Подобное знамение времени, сказал д-р Штайнер, прекрасно характеризует, каким душевным переживаниям были предоставлены те, которые развивались как люди без родины. Для Р. Штайнера, видевшего нарастание числа таких ищущих душ, возникла трудная задача - облегчить подобным людям доступ в духовный мир строго научным путем, чтобы они не были увлечены в царство хаоса всевозможными беспочвенными фантазерами. Таким был, например, Синнет с его "Эзотерическим буддизмом". Для того, кто хотел сохранить воспитанное на науке мышление, было совершенно невозможно пуститься в эту область. Когда кто-либо излагал содержание подобных книг, то те, кто их сами не читали, слушали с жадностью. Слушатели были честнее докладчиков. Невероятно росло стремление слышать нечто иное, чем то, что встречалось на привычных путях цивилизации. Потому, что мир естественнонаучного знания, лабораторий и экспериментов, как доказателен он ни был, какую массу достижений он ни давал, отнюдь не удовлетворял эти лишенные земной родины души. Они жадно принимали, нередко стыдясь, так как не знали ничего лучшего, к источникам, часто весьма мутным, которые тогда притекали из иного мира...

Тогда Р. Штайнер указал на самый чистый источник, правда, почти совершенно засоренный современной цивилизацией, на гётевскую сказку о зеленой змее и прекрасной Лилии. Судьбой ему было предназначено сделать это. Р. Штайнер был приглашен в Архив Гёте в Ваймаре, где он должен был издавать естественнонаучные труды Гёте. Здесь он также встретился с типичными душами нашего времени. Он узнал их хорошие и дурные стороны. Так, например, был там русский статский советник, искавший какой-то "пункт" во второй части "Фауста". Об этом "пункте" он вел бесконечные разговоры. Затем был американец, сидевший перед кучей книг на полу, скрестив ноги. Затем были и такие ученые и светские люди, как Герман Гримм. Все представители духовной Европы прошли тогда через Ваймар.

Когда Рудольф Штайнер после многолетней деятельности в гётевском архиве переселился в Берлин, судьба вновь столкнула его с людьми, подобных которым он уже встречал в Вене. Но, благодаря последовательнице Е.П. Блаватской Анни Безант, они попали на еще более сомнительный путь. Р. Штайнер прослушал лекцию одного из членов этой группы, имевшую отправным пунктом небольшую книжку А. Безант (никаких произведений которой Р. Штайнер тогда еще не читал). В этой книге схематично излагалось в высшей степени отвлеченное расчленение сущности человека. "Ужасным, - сказал д-р Штайнер, - нашел я это изложение, ибо оно не исходило из цельности и полноты человеческого существа". Группа эта выразила желание слушать его лекции. Р. Штайнер исполнил их желание, так как он чувствовал, что его долгом было дать новое направление кораблю, на котором находились лишенные родины души. Он не мог оставить их блуждать в тумане. Поэтому Р. Штайнер говорил им о мистике на заре духовной жизни нового времени.

II

Два вопроса встают при рассмотрении истории развития антропософского движения. Первый: почему нужно было пристегнуть антропософское движение к теософии? Второй: почему до сих пор злонамеренные противники поверхностно смешивают антропософию с теософией?

Ответ на эти вопросы можно получить только из исторического обзора. К концу XIX столетия увеличилось число тех ищущих, которые не могли удовлетворить свои душевные запросы на торных дорогах новейшей цивилизации. Ни занятия наукой, ни религиозные верования, ни наслаждение искусством не могли освободить их от чувства отсутствия родины. Многие из них пытались прийти "в созвучие с бесконечным", читая Ралфа Уолдо Трайна. Многие думали, что смогут удостовериться в бессмертии своей энтелехии, отдавшись занятиям спиритизмом.

Среди тех, которые хотели каким-либо образом развить душевно-духовное, были и те, которые тогда примыкали к различным разветвлениям Теософского общества. Но их искания своеобразно отличались от исканий остальных ищущих. Ярче всего это выразилось в Английском теософском обществе. Нужно вникнуть в сознание тех, кто был его членами, чтобы понять их поступки, образ мышления, все их существо. В собраниях царил известная светская культура, проявлявшаяся в разговорах и туалетах. Они пытались во внешнем выразить свое внутреннее бытие. Но если оставить в стороне это, бывшее у всех них общим, то внимательному наблюдателю могло очень скоро броситься в глаза, что в отношениях между отдельными лицами проявлялись самые противоположные силы. Тот, кто участвовал в жизни Общества, составлял о каждом члене два представления: первое - наивно-повседневное, получавшееся само собою при общении, затем то представление, которое имела вся совокупность членов об отдельных лицах. Представление это рождалось из общих воззрений на человеческое существо и его большую или меньшую продвинутость в развитии, на любовь к ближнему, человеческое достоинство и из других отвлеченных идей. И жило не представление, составленное непосредственно, а представление, которое проистекало из абстрактного общественного мнения. В сущности, никто не видел другого таким, каким он был в действительности, а представлял его себе как схему. В сознании членов человек встречался, в сущности, только с призраками. И нужно было обладать интересом к психологии, отсутствием предрассудков и открытым сердцем, чтобы, несмотря на все это, по-человечески принимать участие в жизни призраков.

Теории, породившие подобное схематическое и призрачное отношение, имели в себе нечто древнее. Созданы они были по древним писаниям. Таким образом, к схематичности присоединялось то, что люди, которых представляли себе в виде призраков, принадлежали отнюдь не современности, а казались восставшими из индийских, персидских и египетских гробниц. Древняя мудрость, содержащаяся в

теософских учениях, если даже она и была облечена в сравнительно современную терминологию, могла быть понята в весьма малой степени. Хотя в ней и содержались понятия о мировом развитии, но никто не знал, в чем, в сущности, дело, хотя все говорили об этом; слушая их, можно было получить впечатление, что доносились слова из давно прошедших столетий или даже тысячелетий.

Из всего того, что жило в сознании, часто лишь в словах, бывших непонятными, кое-что оставалось и окрашивало их мировоззрение: эфирное тело, камаманас и т. д. Благодаря этому они получали как бы душевный костюм. Двигались они с ощущением, как если бы на них был надет ряд оболочек. Этим одеянием они дорожили. Каждый чувствовал себя представителем Общества. Это было тем, что их сильно связывало. Это давало Теософскому обществу чувство принадлежности его членов к целому, самосознание, собственное "я". И это "я" Общества было так сильно, что даже тогда, когда абсурды руководителей выступили в комическом виде, сохранялся единый фронт. Как предательство, как измену ощущали протест против известных уродливых явлений.

Так как лица, которые позже объединились в Антропософское общество, во имя истины должны были протестовать, то они были и внешне исключены из Теософского общества, к которому они внутренне, в сущности, никогда и не принадлежали.

Идеал, стоявший перед Антропософским обществом, содержался в словах: "Мудрость - только в истине". Поэтому оно должно было с самого же начала отказаться от всего неподлинного и неподобающего, породившего в Теософском обществе определенное сознание принадлежности к Обществу.

Антропософия, в противоположность теософии, является более современной. Кто непредвзято проверит это, тот найдет ее основные принципы уже в "Философии свободы". Эта последняя выводит с внутренней необходимостью за границу чувственного мира, в мир высший, в котором имеют свое происхождение моральные импульсы. Антропософия обращается к чистому мышлению и развивает, таким образом, два положения: во-первых, существует некое царство духа; во-вторых - человек своим внутреннейшим "я" коренится в этом духовном царстве. Для Рудольфа Штайнера, который теоретико-познавательным путем обосновал оба эти фундаментальные положения, встал теперь вопрос: как, исходя из этих положений, можно найти точку соприкосновения с сознанием нашего времени? Он должен был связать принесенную им весть о сверхчувственном с современным мышлением. Он не мог, исходя только из своих духовных предпосылок, говорить, не считаясь с живыми людьми. Его призыв тогда не был бы услышан, чего, впрочем, различные чудаки часто требовали. Ведь получил же он в 1918 г., когда был в Вене, по телеграфу приглашение отправиться на Раксальп и прочесть там лекцию для Альп. Тупость, не очень отличающаяся от мудрости тех критиков, которые никогда не были в состоянии понять, почему Р. Штайнер занимался Геккелем и Ницше. Да потому, что он хотел обращаться к людям с

душевными содержаниями, принадлежащими нашему веку, а не с гробницами, содержащими писания давно прошедших эпох.

Пользоваться формами мышления нашего времени от него требовало чувство ответственности и перед современными людьми, души которых испытывали душевный голод, и перед духовным миром, откровения которого только в том случае могли утолить этот голод, если они были сообщены в форме, отвечающей времени. Д-р Штайнер поступал как врач, знающий, что нужно больному. Эта была большая эпоха, и болезнь все усиливалась.

Уже в начале 80-х гг. прошлого столетия среди философских течений того времени он мог заметить проблески грядущего мировоззрения. В Вене, когда там учился д-р Штайнер, жил философ, принадлежавший к школе Гербарта, Роберт Циммерман, пришедший к своеобразной критике всего направления мысли Фихте, Гегеля и Зольгера. Философы эти, в сущности, оперировали с абстрактными понятиями. Достаточно почитать, например, первую из трех частей гегелевской "Энциклопедии философских наук". В ней находится ряд понятий, развиваемых одно из другого: "бытие" - "ничто" - "становление" - "существование" и т. д., вплоть до понятия о цели. Система абстрактных идей, в которых, однако, для сознания Гегеля содержится Бог до сотворения мира.

Циммерман сказал себе: Гегель думает так, как если бы он сам был Богом. Этого не должно быть. Это было бы теоцентрической точкой зрения. А это ведет к "падению Икара". Дабы предохранить себя от падения, нужно опираться на землю. Против теософии Гегеля, Шеллинга, Зольгера и других, о которых он говорит как о теософах в "Истории эстетики", Циммерман написал свою "Антропософию".

В этой книге, так озаглавленной, Рудольф Штайнер видел важное знамение времени. Циммерман хотел ответить на вопрос: что знает человек, переставший быть только чувственно воспринимающим существом, но сознающий нечто действительно духовное, человеческое? Ответ: логические, эстетические и этические идеи. Гегель их рассмотрел как нечто божественное и создал из них весь космос. Циммерман хотел, чтобы уже не Бог (*theos*) мыслил в человеке, а только человек, антропос. А этот последний, независимо от впечатлений внешних чувств или фактов внешней истории, может лишь - как полагал Циммерман - прийти к пяти логическим идеям: 1) необходимость, закономерность мысли, 2) равносильность понятий, 3) обобщение понятий, 4) расчленение понятий, 5) закон противоречия.

Сюда присоединялись пять эстетических понятий: 1) совершенство, 2) созвучие, 3) гармония, 4) противоречие, 5) созвучие противоречий. Этими пятью идеями живут все искусства. А из пяти этических идей: совершенства, доброжелательства, права, борьбы и ее уравновешивания - исходит поведение человека.

В крайне абстрактные формы было облечено это учение о человеке.

Трогательное посвящение женщине в начале книги показывает, что у мыслителя, когда он работал над своим произведением, болели глаза. "Как сам свет, - говорит он, - так и моя философия родилась из тьмы", - и он благодарит помогавшую душу.

Антропософия Рудольфа Штайнера имеет с "антропософией" Циммермана, кроме имени, только то общее, что она тоже исходит из человека, стоящего как пространственно-временное существо среди чувственно-физического мира и истории. Отсюда, через имагинацию, инспирацию и интуицию, она проникает в божественно-духовные области. Антропософия поэтому может более плодотворно заняться изучением немецких идеалистов (Фихте, Гегеля, Шеллинга). Теософами же нашего времени, такими, как Франц Хартман, хотя они и твердят постоянно о говорящем в них Божестве, Рудольф Штайнер никогда не мог заниматься. Они не удовлетворяют необходимым требованиям научности, чтобы с ними можно было серьезно считаться.

Одна из важнейших задач, стоявших перед Р. Штайнером, состояла в том, чтобы сделать доступным для людей естественнонаучной эпохи открытую им закономерность повторных жизней на земле. В то время много читалась одна книга Топинара по антропологии. Она метко описывает факты, относящиеся к истории развития животного царства. В заключительной главе излагается, как отдельные виды животных происходят один от другого, развиваясь до все более высоких ступеней. Но превращения эти останавливаются перед ступенью человека. Антропология и биология не в состоянии разрешить проблему человека. Книга кончается не точкой, а тире.

Здесь естественные науки должны быть дополнены духовной наукой. Этот шаг д-р Штайнер сделал в лекции, которую он прочел в том же кругу, где он говорил о "мистике на заре нового времени". Отправной точкой при этом он взял книгу Топинара. Но его слушатели, теософы, пригласившие его прочесть лекцию, должны были сначала воспитать и себе интерес к научному - как естественнонаучному, так и духовнонаучному - исследованию.

Эту цель д-р Штайнер обрисовал в своей книге "Тософия". В ней положения, подобные приведенному ниже, начинают с того, чем кончают такие исследователи, как Топинар. "Как физический человек я происхожу от других физических людей, ибо я имею тот же облик, как и весь человеческий род. Таким образом, свойства рода могли быть приобретены в пределах рода путем наследственности. Как духовный человек я обладаю своим собственным обликом, так же как и своей собственной биографией. Следовательно, этот облик я не могу иметь ни от кого другого, кроме самого себя. И так как я вошел в мир не с неопределенными, а с определенными душевными задатками, так как эти задатки определяют мой жизненный путь, как он отражается в моей биографии, то моя работа над самим собой не могла начаться лишь с моего рождения. Как духовный человек я должен был существовать до моего рождения. В моим предках я, очевидно, не существовал раньше, потому что как духовные люди они отличаются от меня. Моя биография не

разъясняется их биографией. Как духовное существо я должен быть скорее повторением такого существа, чьей биографией уясняется моя..."

Это было в то самое время, когда Рудольф Штайнер в литературном кружке "Грядущие" читал цикл лекций, озаглавленный "От Будды ко Христу", в котором он в Христе видел завершение всей истории развития мировоззрений. Он закончил толкованием Евангелия от Иоанна в связи с воскрешением Лазаря. Изложение проблемы Лазаря мы находим и в книге "Христианство как мистический факт". Этот цикл лекций был прочитан в то время, когда в Германии организовывалось отделение Теософского общества. Доктора Штайнера, хотя он не был членом Общества, просили читать в Теософском обществе лекции и стать генеральным секретарем. В период организации Немецкого отделения Р. Штайнер читал цикл, на котором присутствовало всего два или три теософа, в общем же была та же самая аудитория, перед которой он говорил на тему "От Будды ко Христу", т. е. кружок "Грядущие". Он даже ушел с учредительного собрания, чтобы прочесть одну из лекций этого цикла. В то время как оставшиеся продолжали дебаты, Р. Штайнер говорил о развитии мировоззрений от Древнего Востока до современности, или антропософии.

Один из слушавших его теософов сказал после этой лекции: "То, что вы читали здесь, совсем не согласуется с тем, чему учит Анни Безант". Он был знатоком теософских догм и должен был это знать. Д-р Штайнер ответил: "В таком случае это, вероятно, так и есть".

Д-р Штайнер и позже не заботился о догмах теософских вождей, а всегда в своем изложении руководствовался тем, что ему самому казалось правильным. Впоследствии все это привело, как уже упомянуто, к тем конфликтам, следствием которых было отделение Антропософского общества от Теософского.

Из изложенного вполне ясно, что Рудольф Штайнер никогда не был теософом старого направления, а с самого начала читал лекции по антропософии, даже тогда, когда он обращался к теософам.

III

На двух мыслителях, немецком и английском, на Ф.В. Шеллинге и на Лоренсе Олифанте, Рудольф Штайнер выяснил один душевный процесс, совершенно непонятный для современной психологии.

Шеллинг в начале XIX столетия стал формулировать законы мирового развития в абстрактных понятиях; в ходе своего дальнейшего развития он уже не мог удовлетвориться этим. Он углубился в изучение различных мистических направлений, в особенности Якоба Бёме. И если уже в 1809 г. едва ли хоть один из его современников понимал то, что он писал в "Философских исследованиях о

сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах", то его книжка "О мировых эпохах" уводила уже в совершенно загадочные области. Через одиннадцать лет после смерти Гегеля, в 1841 г., Фридрих Вильгельм призвал Шеллинга в Берлин, где он и читал свои лекции по философии откровения. Он говорил тогда о древней мудрости мистерий и ее связи с религией. Он искал эзотерического углубления мифон. "Мы признали ее (мифологию. - *Р.Ш.*), - пишет он в своей "Философии мифологии", - таким же, в своем роде, реальным, необходимым и всеобщим явлением, как сама природа. Теогонический процесс, сообразно которому возникает мифология, совершается не по какому-нибудь особому закону сознания, а по всеобщему мировому закону. Процесс этот имеет космическое значение; содержание его является поэтому всеобщим, его данные - воистину объективными данными, его образы выражают необходимые, и в этом смысле не мимолетные лишь, а вечно сущие понятия".

Таким образом, Шеллинг пришел к некоему постижению духовного мира, далеко выходящему за пределы субъективной уверенности религиозного сознания. Он искал путь в сверхчувственное.

Вещественнее, реалистичнее, более осязаемо, чем Шеллинг, изложил Лоренс Олифант то, что ему открылось о древнейших эпохах человеческого и земного развития.

Оба философа имеют много общего и разнятся своими национальными чертами. Оба они (каждый сообразно своей национальности) слились с мировой культурой и достигли наивысшего выражения духа своего времени. Но когда они стали старше, они не остановились на том, что усвоили извне (как предание) и переработали своим интеллектом, а так проникли в более глубокие слои своей души, что из их внутренней сущности поднялись воспоминания о далеком прошлом человечества.

На тот факт, что в подсознательном у человека дремлют подобные "архаические образы", не полученные с помощью органов чувств (книги, музеи и т. д.), начинает теперь обращать внимание психоанализ. Если бы психоанализ верно понял бы самого себя, для него подходящим объектом изучения была бы такая личность, как возбудившая столько споров Е.П. Блаватская. Можно, конечно, легко пройти мимо и не останавливаться на рассмотрении личности Е.П. Блаватской, указав на то, как много неясного и загадочного существует в ее биографии. Такова, например, история с "письмами Учителей". Как известно, в доме, где они появлялись, были найдены потайные двери, через которые обманым путем доставлялись эти послания. Е.П. Блаватскую стали с тех пор считать обманщицей. В действительности же она сама была обманута. Наивная, беспомощная, совершенно неспособная к критическому взгляду по отношению к своим собственным переживаниям, что доказывает самый стиль ее книг, она была легковерна также и по отношению к сообщениям других. И было нетрудно, найдя к ней подход с нечистыми намерениями, подсовывать ей письма, в которые она сама верила. Она пала жертвой темных махинаций своего окружения.

Хотя и приходится быть противником тех, кто принимает содержание "Разоблаченной Изиды" и "Тайной доктрины" как догматы, все же при проверке этих произведений по существу необходимо признать, что среди хаоса произвольных утверждений в них содержатся определенные, каким-то образом полученные сообщения о духовном мире. Сам собой встает вопрос, имеющий культурное и историческое значение: что лежит в основе того факта, что из столь проблематичного источника говорится об основных законах и силах мирового и человеческого развития, причем сообщения эти выдают больше тайн бытия, чем это есть во всех других мировоззрениях современности. Вслед за этим возникает другой вопрос: в состоянии ли наше время ответить на это?

Кто ищет путь в духовный мир, не должен обманывать себя относительно того, как сильно пострадала способность суждения в течение XIX в. Несмотря на громадные успехи естествознания, она стала слабее. Эта ослабление способности суждения выступает особенно ярко при рассмотрении достижений естествознания в связи с личными оценками явлений духовной жизни. Приведем несколько примеров, взятых из сотни подобных.

Когда Ом написал свою первую работу о законе, который потом был назван его именем, и представил ее философскому факультету одного известного университета, она была отклонена. Если бы мировое развитие совершалось согласно мудрости этих профессоров, то электротехника теперь не существовал бы. Рукопись, в которой Райс, стоявший вне официальной науки, впервые изложил идею телефона, была названа одним из известнейших журналов ("Анналы" Поггендорфа) совершенно несостоятельной. Ученые корифеи остались глухи. Юлиус Роберт Майер, открывший закон сохранения энергии, на котором зиждется современная физика, будучи студентом в Тюбингене, получил совет оставить университет. Его не хотели допустить к экзамену. О Грегоре Менделе, Игнаце Земмельвайсе и других можно было бы написать "скорбные записки".

Адальберт Штифтер, изучавший естественные науки, хотел стать учителем гимназии. Его нашли совершенно непригодным к этому. Как поэта его открыла некая баронесса Минк, заставившая прочесть ей то, что было им написано, но что сам он вовсе не ценил; она буквально принудила его напечатать эти стихи. А когда А. Штифтер, благодаря им, стал знаменитым, то те же самые авторитеты, которые недавно признали его неспособным занять место учителя, решили назначить его инспектором школ всей страны.

Все это симптомы (которые можно умножать до бесконечности) того, до какой степени эпоха внешнего прогресса не обладала меткостью суждения по отношению к явлениям духовной жизни и как мало склонны те, кто направлял науку, реагировать на новые открытия. А между тем широкая публика была и остается под влиянием того, что признается представителями официальной науки. Над этим приходится задумываться и теперь, когда хочешь взглянуть в силы, враждебные, препятствующие, тормозящие развитие какого-либо духовного движения. Так, в настоящее время можно изучать прямо-таки типичные примеры, что особенно так

называемые носители культуры оказываются несостоятельными, когда им приходится высказать суждение об антропософии. Всякая способность судить у них исчезает, когда они начинают говорить о явлениях сверхчувственного порядка. Как много времени прошло, пока они заметили, что Рудольф Штайнер не имеет ничего общего с индуистской теософией. Какой позор для официальных представителей науки. Еще недавно было возможно, что пасторы смешивали антропософию со спиритизмом, не сознавая, насколько они этим компрометируют себя. Без всякой проверки повторялось, например, и утверждение, что Р. Штайнер был одно время "неистовым геккельянцем". Чтобы привести пример таких искажений, упомянем случай в "Союзе имени Джордано Бруно", членом которого был д-р Штайнер. Союз был основан на рубеже XIX и XX вв., в нем встречались выдающиеся люди того времени. Они искали дух, хотя и отвлеченными путями. "Нет материи без духа" было их лозунгом, монизм - их целью. Досадно было только то, что дальше этого, прекрасно избранного исходного пункта они не пошли. Так, постоянное повторение того, что освобождение от средневекового дуализма было громадным шагом вперед, постепенно превратилось в высокомерие. Р. Штайнер решил показать, сколь неосновательным было подобное высокомерие, и прочел лекцию о Фоме Аквинате, в которой показал, что нет никакого основания говорить о дуализме схоластики Фомы Аквината. Р. Штайнер показал, что как раз Фома Аквинат был настоящим монистом, конечно, не нынешним монистом материалистического типа - естествоиспытателем, блуждающим по лесам и лугам, а таким, который видел в едино-божественном начале монон, лежащий в основе всего мироздания. Более чистого монизма не может и быть. Только Фома Аквинат делал следующее различие: одну половину истины можно постичь с помощью обычного чувственного восприятия и заключений рассудка, а другую - только через откровение. Он хотел приблизиться к истине с двух сторон, и именно таким образом проникнуть к монону вселенной.

Хуже всего будет для современности, сказал тогда д-р Штайнер (это было в начале столетия), если она не сможет создать понятий, достаточно гибких и всеобъемлющих, чтобы понять исторические импульсы.

Следствием лекции было то, что некоторые стали думать, будто Р. Штайнер хотел ввести, как бы контрабандой, католичество. И это в Союзе имени Джордано Бруно, где были одни только протестанты, стремившиеся нанести смертельный удар католичеству. Единственный, кто понял д-ра Штайнера, был поэт Вольфганг Кирхбах. Он выразился так: д-р Штайнер хотел показать (и это несомненно верно), что в мудрости схоластов живет больше истины, чем в нынешних абстрактных разговорах о духе, духе и опять о духе. Он показал, что мы не готовы к борьбе, и призывал нас быть во всеоружии духа. Но лишь меньшинство поняло это. Большинство продолжало думать, что Р. Штайнер был введен в заблуждение католичеством. А теперь как раз католики утверждают, что он был в то время монистом в духе Геккеля.

Ни то ни другое не верно. Как духовный исследователь Р. Штайнер вжил в оба мировоззрения. Вхождение в сверхчувственные области зависит не от признания

каких-либо догм или создания теорий о сущности материи и духа, а от возможности иметь определенные духовно-душевные переживания. Метод д-ра Штайнера состоит в том, чтобы проверять истинность различных мировоззрений, опираясь на познание духовно-душевной действительности. С этим методом возможно подойти и к произведениям Блаватской. Со времен глубокой древности в различных тайных обществах хранились и передавались по традиции сокровенные знания; они сообщаются постепенно в форме символов, значений которых более уже не понимали. Совершенно ошибочно подобный характер приписывается и Антропософскому обществу, на том основании, что многие лекции д-ра Штайнера доступны только членам Общества. На это надо заметить, что никогда не имелось в виду держать в тайне то, что содержится в циклах. Наоборот, к д-ру Штайнеру обратились с просьбой сделать доступным более широким кругам то, что он сообщал в лекциях, после чего его лекции стали стенографировать. Так как при невероятном числе обращенных к д-ру Штайнеру просьб у него совершенно не было времени для редактирования лекций, то их пришлось печатать на правах рукописей. Не из-за содержания, а скорее вследствие своей формы не могли они быть сделаны доступными для широкой публики. Впрочем, наши противники хвастаются, что имеют их. Действительно, они имеют в этих лекциях величественную разработку того, что содержится в его книгах. Вопреки этому им остается только способствовать росту зла в мире, что и является их целью. Членам же Антропософского общества, благодарным д-ру Штайнеру за то, что он так широко сообщает свое духовное богатство, остается развивать силы добра.

Когда появились оба произведения Е.П. Блаватской - "Разоблаченная Изида" и "Тайная доктрина", знатоками древних традиций овладела некоторая тревога. Они спрашивали себя, откуда эта женщина получила свои знания. Они должны были предположить наличие предательства. В этих книгах было изложено то, что они тщательно хранили под семью запорами.

То, что имело место уже у Шеллинга и Лоренса Олифанта, - а именно что из подсознания всплыли воспоминания о древнем опыте человечества, "архаические образы", как сказал бы психоанализ, но в данном случае понимаемые в самом широком смысле, - проявилось и у Е.П. Блаватской. Ее интуиции, более или менее хаотичные, действительно были пробуждены некоторым сообщением членов тайных обществ.

Застывшее знание, хранимое ими без понимания, зажгло в душе этой женщины огонь. Как женщина, она еще не имела огрубелого мозга абстрактных мыслителей современности, Е. Блаватская была чем угодно, только не логичным мыслителем. Вследствие этого ей не доставало основания, опираясь на которое она могла бы изложить в формах, понятных современному рассудочному мышлению, свои "откровения". Е.П. Блаватская не нашла форм, в которых она могла бы ответить за свое знание перед совестью науки.

Психоанализ показывает (вполне справедливо), что в сокровенных основах человеческого существа имеются "следы" переживаний, которые, будучи подняты

до сознания, отнюдь не исчерпываются тем, что человек накопил как сознательные и бессознательные впечатления и переживания с момента своего рождения. Откуда они? Психианализ полагает, что они указывают на переживания родителей, предков, рас. Они прошли че рез кровь рядов поколений и могут быть извлечены путем психианализа.

Наивным покажется это мнение, если принять во внимание то, что может сказать об этом антропософское исследование, а именно что в определенных подосновах бытия физическая и духовная жизнь составляют одно; что в крови, в дыхании, во всем теле действуют силы космоса, что в наше тело вплетена вселенная (почему и говорится о микрокосме и макрокосме); что из глубин жизни может быть извлечено то, через что прошла, как через душевно-духовные переживания в космосе сущность человека, прежде чем облечься в телесность; что она, следовательно, имеет бытие до рождения и что последнему предшествовали прежние земные жизни...

О всем этом повествуют основные произведения д-ра Штайнера. Изложенные в них методы представляют величественную систему, являющуюся полной противоположностью психианализу, без тех карикатурных искажений, в которые с первых своих шагов впал психианализ. Она раскрывает связь между человеком и вселенной и в то же время показывает, как с помощью этих методов возможно прийти к откровениям.

Таким образом, применяющийся антропософский метод исследования может обойтись без традиций и догматов, опираться на которые принуждены его противники. Он нашел новый путь.

IV

Рассматривая деятельность Е.П. Блаватской, вокруг которой поднялось столько споров, наталкиваешься на одно обстоятельство, сразу бросающееся в глаза и имеющее недвусмысленное значение, - на ее антихристианские взгляды и настроение. В своей "Тайной доктрине" она в обширном очерке правильно (если оставить в стороне все неточности) изображает скрытые силы, действовавшие в древнейших религиях. К объективному суждению она, правда, неспособна. Она постоянно примешивает свои субъективные ощущения. Когда Е. Блаватская начинает говорить об иудействе и христианстве, она проявляет свои личные антипатии. Благодаря этому ей резко подчеркивается малоценность Ветхого и Нового Заветов по сравнению с великими откровениями языческой мудрости. Е.П. Блаватская является представительницей ясно выраженного духовного течения, но течения, имеющего антихристианский характер. Эта черта у нее общая с Фридрихом Ницше, как ни мало в остальном она походит на автора "Антихристианина" и в смысле своей судьбы, и характера жизни, и, главное, образования. К тому же Ницше был великим стилистом, она - нет.

Но как раз то обстоятельство, что две столь противоположные натуры могут иметь общую цель, показывает, с каким важным явлением мы имеем дело. Непредубежденный наблюдатель современности не может не удивляться тому, что вообще возможно появление личностей, которые, несмотря на существование такого поворотного пункта, которым является в истории мистерия Голгофы, ожидают спасения человечества от культурных импульсов, давно отошедших в область истории, и что они - это кажется еще более парадоксальным - смогли оказать столь глубокое влияние как раз на христианскую (меньше на еврейскую) Европу.

Надо заметить, что, несмотря на это, те, которые обладали древней традиционной мудростью и пользовались ею как средством для власти, всячески стремились создать вокруг Е.П. Блаватской всевозможные препятствия, чтобы данные ею описания духовного мира не оказали бы воздействия на еще более широкие круги. Чтобы разрешить указанную выше культурную загадку, необходимо принять во внимание тот душевный разлад, который в более или менее скрытой форме имеется в душе каждого современного человека. Многие не видят его вследствие своей интеллектуальной трусости, другим мешает его заметить их наивная вера. Но тем большую опасность для душевного и физического здоровья человека представляет этот разлад.

Все мирское образование находится в крайнем антагонизме с религиозными импульсами. Начиная с народной школы эта раздвоенность систематически культивируется, с одной стороны, церковным, с другой - естественнонаучным воспитанием. Мирское образование, пронизанное неодолимым чувством авторитета, опирается только на то, что могут сказать органы чувств и рассудок. Чем менее человек внутренне советуется с собой, тем более он склонен признавать истинным только то, что он познает своими пятью чувствами и что может сосчитать на пяти пальцах, и тем более очевидным кажется ему, что все, во что он верует (в силу тех или иных традиций), должно оправдать себя перед лицом науки. Таким образом, в течение последних столетий становилось все менее возможным сообщать в приемлемой форме какие-либо истины из духовного мира, где данные органов чувств и связанная с ними математика перестают иметь значение.

Прежде такие истины сообщались в образах. Наиболее важное и существенное в распространении религий заключалось не в проповеди, а в культе и обрядах. Еще по отношению к XIV и XV вв. нельзя вообще говорить об абстрактном мышлении и теперешнем смысле этого слова. Покрывавшие стены фрески, звучащая в храмах музыка, раздававшаяся с алтаря молитвы действовали на подготовленную к молитвенному настроению общину. Через чувственно-данное говорил дух. Мысль, возникающая отвлеченно от чувственного наблюдения - интеллект как таковой, - еще не существовала, еще не появились рассуждения Лютера "О свободе христианина".

О тайнах христианства, о мистерии Голгофы говорилось также в образах. Повествование представляло ряд образов. Для тех, кто не умел читать,

существовали Библии в картинах, *bibli pauperum*, т. е. гравюры на дереве в форме тетрадей. Чтение как таковое уже есть интеллектуальная деятельность. Даже догматы сообщались скорее в образах, чем в понятиях. До тех пор пока не пробудился интеллект, у христианства не оспаривалась его область. С Реформации началось принципиально критическое отношение ко всему. Но только большая часть человечества не заметила этого. В наши дни школы, вовсе ни о чем при этом не думая, считают своим долгом приобщить каждого подрастающего ребенка и к определенным религиозным ощущениям, и к естественнонаучному мышлению; оба эти момента живут в душе, но между ними целая бездна, ибо истины христианства никогда не могут быть обоснованы образованностью, построенной на интеллектуализме. Наоборот, они ею разрушаются. "Образованный" богослов не может более говорить людям настоящего времени о Христе, самое большее - лишь о личности Иисуса. При такой постановке христианство теряет свои внутренние устои. Когда протестантские пасторы хотят истолковать его в "соответствующей времени" форме, это - величайшая нечестность.

Исходя из того, что так старательно сообщает человеку современная школа, понять Христа уже невозможно. Таким образом, в сущности, осталось только Его имя, без того окружения силами жизни, которые в духе Его сопровождают. Мир астрономии, биологии, антропологии строится на чувственных восприятиях и, соответственно этому, есть мир без духа.

Без духовной науки перебросить мост между этими областями невозможно. Такие люди, как Ницше, если они хотели оставаться честными, должны были объявить себя противниками господствующего "христианства". Они стояли перед дилеммой и должны были решить, хотят ли они сохранить свою "интеллектуальную совесть" или отказаться от нее. Когда-то в том, что их окружало, люди находили духовный мир; в нем они могли постигать Христа. Наиболее значительные личности того времени были христианами. С развитием интеллектуализма, определяющим теперь понимание мира и человека, стало невозможным понимание Христа. Передовые мыслители XIX столетия стояли перед опасностью потерять свое христианство или отбросить всю цивилизацию. В настоящее время мы имеем достаточно симптомов, указывающих на то, что жизнь с бездной в душе (между религией и наукой) ведет к безумию и самоуничтожению. Судьбы наиболее развитых личностей (например, Отто Вайнингера) говорят об этом.

Кто без предубеждения рассмотрит то, что встает из этой бездны, сможет угадать путь вперед. Он не сможет отнести на счет восприятия органов чувств драматизм образов, поднимающихся из глубин подсознательного. Он придет к признанию иного происхождения тех "архаических образов", о которых говорит психоанализ, сам не понимающий, с чем он имеет дело.

Все больше теперь появляется людей, и притом из всех слоев населения, в душах которых заявляет о себе отзвук их прежних земных жизней. Сами они этого не знают, но на это указывает их стремление к духовной цели, которой современная

цивилизация им дать не может, их искания какой-то совершенно иной жизни и их стремление сойти с проторенной дороги.

Нечто иное подымается в душе человека современности; это смутное чувство, что сны могли бы, в сущности, сказать ему нечто более значительное, чем органы чувств. Конечно, это может быть и заблуждением. Но остается и ждет своего разрешения вопрос: почему же подобные иллюзии могли приобрести власть именно теперь, в эпоху естественнонаучного мировоззрения? Почему наше образование, построенное на изучении фактов, так жадно к толкованию снов? Хотя бы и стыдясь, и украдкой?

Когда теперь собираются образованные люди и речь заходит о "духовных воздействиях", то хороший тон требует насмешливой улыбки, иначе вас сочтут суеверным. А суеверие прощительно только в народе. Обыкновенно в подобных случаях образуются две группы. Представители первой знать ничего не желают обо всем этом, усаживаются в креслах и начинают играть в карты. (В сущности, они тоже прислушиваются, пока не перевесит желание как можно лучше разыграть партию.) Вторая группа идет в соседнюю комнату, слушает жадно, без конца.

Откуда этот интерес к сновидениям? Потому что каждый немножко задумывающийся ощущает: то, что мне показывают из внешнего мира органы чувств, конечно, прекрасно, но чуждо душе. Это не дает достаточно удовлетворения моей душевной жизни. За этим должно таиться еще что-то. Я чувствую его I себе: тайны мысли, чувства и воли. Во сне оно освобождается и становится творческим. Я знаю: это живет во мне и тогда, когда я бодрствую, но только тогда оно ускользает от моего внимания Тщетно хочу я поймать его. Эта мысль не дает покоя человеку вдумчивому. Она грызет и жалит его, потому что он чувствует, что ему недостает духовного во внешнем мире. Должен ли он быть лишенным духовного и в мире внутреннем?

Такое внутреннее переживание сновидений родственно тому, что испытывает человек прежде, чем воплотится. Это отзвук действия его предземного бытия. Но современное образование хочет доказать, что мира, в котором пребывал дух прежде, чем воплотиться, не существует.

Общественная жизнь, порожденная современным образованием, покинута духом. В древности внешний строй жизни был в гармонии с внутренними переживаниями. Весь уклад жизни имел свое происхождение в мистериях. Взирая на Афины Палладу, грек ощущал в своей душе известное внутреннее сродство с ней. Богиня призывала его в храм. Она охраняла законы. Она насадила оливковые деревья вокруг святилища. Никакие впечатления внешнего мира не могли отнять/у него того, что дала ему Паллада Афина.

Современный человек вплетен в такие социальные условия, которые не имеют уже ничего общего с его внутренней жизнью. Они отнимают у него не только душу, но

и тело. В нем живет опасение, что каждое мгновение он должен отдавать свое тело чему-либо, с чем в своем внутреннем существе он не имеет никакого сродства.

В отношении своей душевной жизни (поскольку он вообще ее признает) он чувствует себя теснее связанным с прошлым, нежели с настоящим. Таким образом, благодаря более или менее смутным стремлениям, он начинает искать то, что принадлежит иным мирам, иным эпохам. Он смутно чувствует свое доземное существование и свои прежние земные жизни. Но при этом он подвергается опасности стать чуждым современности.

Вот что характеризовало людей, которых на исходе XIX в. влекло к Е.П. Блаватской: стремление познать себя как духовное существо среди духовных существ и быть в состоянии освободиться от власти нашего века и не лишиться своего вечного существа. Эта замечательная женщина сказала себе, и несомненно, из сострадания к человечеству: души беспомощно трепещут в тоске по познанию, как рыбы без воды. Если раскрыть смысл древних языческих религий, то человечество снова сможет дышать.

Того, что как антихристианство проявилось в такой форме у Е.П. Блаватской, с самого начала не было в антропософском мировоззрении. Первый цикл, прочитанный д-ром Штайнером в то самое время, когда было основано Немецкое отделение Теософского общества ("От Будды ко Христу") имеет в этом отношении вполне определенную окраску. То, что современная критика проглядела это, свидетельствует о ее поверхностности. Антропософии, которая, отвечая реальным запросам, существенно заняла место в современной жизни, постоянно бросались упреки в бегстве от мира. Кто ее так понимает (хотя бы он и был членом Антропософского общества), тот понимает ее неправильно. Антропософия, наоборот, хочет вернуть человеку землю, правда, землю, проникнутую Христом.

Это движение развилось из совсем малых зачатков. Начало было положено в самом скромном виде. На первых лекциях присутствовал едва ли десяток слушателей. Д-р Штайнер рассказал, как еще в берлинский период ему приходилось читать лекции в комнате, за стенами которой был слышен звон пивных кружек; рядом находилась пивная, выходящая на улицу. Когда же не было и этой комнаты, приходилось довольствоваться чем-то вроде хлева. В другом городе в Германии собирались в помещении, совсем не имевшем пола, так что присутствующие подвергались опасности попасть в какую-нибудь дыру и сломать себе ногу. И все же слушатели не находили это особенно неприятным. Они ведь могли себе сказать, что здесь узнавали то, что делает человека внутренне крепче, чем это делают силы нашей цивилизации, лишаящие его свободы распоряжаться своим телом и приковывающие его к величественным, но покинутым духом учреждениям.

Там царила широкая сердечность, потому что в антропософском движении никого не отвергали, ибо знали, что силы духа, который там воспринимали, сами собой произведут целительную поправку.

Сама судьба свела вместе ученых и неученых аристократом и пролетариев, представителей всех народов. Они выдержали экзамен совместной жизни также и во время войны, построим Гётеанум.

V

В своей книге "Христианство как мистический факт и мистерии древности" д-р Штайнер изложил свои исследования сущности мистерий древности, их сокровеннейших импульсов, чтобы затем, основываясь на полученном таким образом познании, показать, как различные духовные течения, развивавшиеся ранее обособленно, теперь соединились, образуя одно гармоническое целое. То, что повсюду прежде сообщалось как сокровенная мудрость лишь избранным, теперь должно быть открыто всему человечеству как исторический факт, совершившийся в определенном месте. "Слово стало плотью".

Благодаря влиянию мистерии Голгофы, являющейся венцом всемудрости мистерий, в развитии Земли должен был наступить поворот. С остатками мудрости, сохранившимися от тайных учений древности, которые перешли также и в евангелия, еще можно было понять деяние Христа, давшее смысл развитию Земли. Но этот живой поток прежних познаний иссяк в IV в. по Р. Х. Отныне оставалась только традиционная мудрость, проработанная отдельными крупными личностями. С одной стороны имелись евангелия, с другой - церковный культ. Изучение евангелий процветало пока что в пределах церковной общины, а культ оставался непонятым. В дальнейшей истории западного человечества сохранять живое воспоминание о мистерии Голгофы возможно было лишь до тех пор, пока еще не проснулся интеллект, начавший приобретать власть с XV в.

В древности не было разлада между познанием мира и познанием Божества. У всех религий было общим то, что в природе они видели нечто божественное. Объяснение явлений природы и действия Божества не противоречили одно другому. От духовных существ, направлявших космический процесс, умели находить путь к внутреннему существу человека. Нигде не было той бездны, которая ныне зияет между естествознанием и богословием.

При том характере, который со времени Коперника приобрела и с такой неизменностью сохраняет новейшая наука, перейти через эту бездну стало невозможным. В естественнонаучном образовании нет места для мистерии Голгофы. С канто-лапласовского неба Христос спуститься на землю не мог.

Только встав на эту точку зрения, возможно вполне понять судьбу Ницше. Сын соблюдавшего обряды пастора, Ницше из родительского дома попадает в гимназию, где он остро и глубоко переживает противоречие между религиозным преданием и естественнонаучными взглядами. Он не затуманивал себе сознание, как другие. Своим острым взором он видел, что то, что осталось как христианство,

проповедуется в формах, уже не имеющих никакого отношения к языку современного образования. Если человек желает мыслить естественнонаучно и при этом все же сохранить некоторое чувство к тому, что говорят о Христе богословы, то приходится лгать. Надо решиться признать или то, или другое, иначе в жизнь входит ложь. Ницше выбрал современное мышление, а не веру прошлого. С теми средствами познания, которые он застал, он не мог поступить иначе, желая оставаться честным. Никогда еще против "господствующего христианства" не раздавались более резкие слова. Для Ницше положение: "То, что говорит современный теолог, наверняка ложно" - стало прямо таки критерием истины. Ницше находит, что вся философия имеет "в своем теле слишком много крови теологов"; так развивал он свое антихристианство, которое было бы неслыханным богохульством, если бы оно вообще могло как-либо задеть истинную сущность Христа. Но оно задевает только мнимый образ, которым создало себе современное богословие.

Надо признать, что Ницше в силу своей фантастической честности отнюдь не шутил со стремлением понять мистерию Голгофы, но с теми средствами, которые были в его распоряжении, а также и с помощью евангелий он не мог ее понять. Скрытую в евангелиях мудрость выявил своим духовнонаучным познанием Рудольф Штайнер, так что евангелия стали доступны пониманию рассудка современного человека. Если бы эти толкования уже были даны во времена Ницше, они сделали бы невозможным появление "Антихристианина". Самое трудное для научного мировоззрения - это добиться понимания мистерии Голгофы. Для этого недостаточно обновления сущности древних мистерий (как это пытался сделать художественно-инстинктивным путем Ницше в своей книге "Рождение трагедии из духа музыки"); для этого необходимо познание духовного мира в совершенно новых формах, возможность чего показал д-р Штайнер в книге "Как достигнуть познания высших миров?" Не имея возможности идти этим путем, лучшие индивидуальности в наше время неизбежно должны были стать антихристианами.

Никогда еще не было оказано большей услуги христианству, чем это сделал своими духовными исследованиями Рудольф Штайнер. Но как раз представители католического и протестантского духовенства сильнее всех поносят его.

Огромная опасность грозила тем душам без родины, которые были собраны Е.П. Блаватской. Преклоняясь перед мистериями древности, она была настроена антихристиански. Ее приверженцы, пользуясь современными методами познания, неизбежно должны были бы тоже стать антихристианами. Они могли занять по отношению к христианству только отрицательную точку зрения. Положительное отношение для знатоков старого духовного познания было (за немногими исключениями) возможно, в сущности, только до IV в. Греческие отцы церкви, имевшие еще связь с древними мистериями, сами были ясновидящими. Римские же отцы церкви были лишь верующими. Познание как таковое стало для них уже грехом. Но для становившегося все более сильным интеллекта, опиравшегося на естествознание, понятие греха является понятием неправомерным. Особенно

чуждым понятие греха должно было казаться новейшему естествознанию, признававшему происхождение человека от животных.

Е.П. Блаватская сказала себе: то, что люди возвещают о мистерии Голгофы, стоит на более низком уровне, нежели величественная мудрость посвященных мистерий древности. Христос казался ей стоящим ниже языческих богов. Его учение казалось ей менее ценным, чем сокровища мудрости прошлых эпох. Это было потому, что Е.П. Блаватская знала только романизированное христианство.

Душам без родины было необходимо во что бы то ни стало найти путь в духовные миры, хотя бы и с опасностью потерять христианство. Они вопрошали и искали. Задачей д-ра Штайнера, только в Теософском обществе встретившего души, не могущие успокоиться, пока они не найдут искомого, было пойти навстречу этим духовным исканиям, а не самому получать там знания. Он хотел давать, а не получать. О том, что возвещалось как догмы вождями Теософского общества, Р. Штайнер не заботился, но он очень заботился об удовлетворении духовной жажды членов Общества.

В каких формах должны были быть даны ответы, чтобы действовать целительно? Такова была задача Р. Штайнер разрешил ее, написав свою книгу "Теософия". Ему незачем было заниматься опровержением дилетантских работ теософских вождей. Он только противопоставил плохим книгам хорошую. Тут Р. Штайнер мог предоставить членам полную свободу выбирать: "Древнюю мудрость" А. Безант или его "Теософию". Р. Штайнер ничего не ждал от полемики, но надеялся на то, что нежелательные элементы отпадут сами собой. Шаг за шагом вел он своих последователей от пришедшей в упадок традиционной мудрости к живому знанию современности. В Теософском обществе в то время много говорилось о "колесе рождений". Передавались древние учения Востока о бытии между смертью и рождением. Но представления, которые они составляли себе о перевоплощении, оставались схематичными, и при этом прекрасном сравнении не принимали во внимание, что нельзя изображать этот циклический процесс как прямую линию, но - как линию, замыкающуюся в самой себе.

В самом же начале своей лекторской деятельности д-р Штайнер (в Голландском отделении, в различных городах) указал на то, как понятие времени, употребляемое в физически-чувственном, изменяется при применении его в духовно-душевных мирах. Р. Штайнер сказал, что было бы бессмыслицей представлять себе, что после смерти новая жизнь просто приставляется, как новый кусок. Он указал, что душевные состояния, проходимые после того, как тело бывает оставлено, надо представлять себе идущими в обратной последовательности. Позже в своем "Тайноведении" Р. Штайнер дал исчерпывающее описание жизни после смерти.

Я приведу здесь прекрасный отрывок из главы "Сон и смерть", который начинается так: "Ближайшие переживания после смерти еще в одном отношении совершенно отличаются от переживаний во время жизни. Во время очищения человек живет некоторым образом в обратном направлении. Он еще раз проходит через все, что

он испытал в жизни, с момента рождения. Он начинает с событий, непосредственно предшествовавших смерти, и переживает в обратном порядке еще раз все вплоть до детства. И при этом перед его взором духовно проходит все, что во время жизни исходило не из духовной природы его Я. Но и это все переживает он теперь в обратном виде. Человек, умерший, например, на 60-м году и причинивший на своем 40-м году кому-нибудь в порыве гнева физическую или душевную боль, еще раз переживает это событие, когда в своем обратном жизненном странствовании после смерти он доходит до своего сорокового года. Но только он переживает тогда не удовлетворение, которое он испытал при жизни благодаря этому поступку, а боль, которая была причинена им иному человеку. Но из вышесказанного можно в то же время увидеть, что только то ощущается в подобном событии после смерти мучительно, что родилось из вожделений Я, коренящихся лишь во внешнем физическом мире. В действительности Я вредит не только другим, но и самому себе, удовлетворяя такие вожделения. Но только этот вред, наносимый самому себе, остается для него при жизни невидимым. После смерти весь этот мир губительных вожделений становится видимым для Я".

Это непосредственное знание носило отпечаток психологической истинности, но оно противоречило догмам теософских вождей и очень беспокоило многих членов. В некоторых кругах (особенно в Голландском отделении) д-ру Штайнеру не могли простить, что он сообщал то, чего не было в книгах Безант и Блаватской.

Еще в 1907 г., когда в Мюнхене проходил конгресс Теософского общества, наблюдалось сильное возбуждение по поводу того, что в Общество влилось "чуждое" течение, бывшее в нем как бы посторонним телом. Не почувствовали тогда благодетельного влияния струи свежего воздуха.

Тогда же имел место разговор между А. Безант и д-ром Штайнером, во время которого было признано, что то, что д-р Штайнер излагал как антропософию, должно было развиваться совершенно самостоятельно, независимо от того, что культивировалось в Теософском обществе. Свобода духа признавалась и А. Безант.

Правда, уже тогда в Теософском обществе были видны первые проявления тех абсурдов, благодаря которым оно впоследствии погубило себя. Но еще не была потеряна надежда, что зародыши гниения могут быть преодолены свежей жизнью, принесенной антропософским самосознанием.

Е.П. Блаватская в своем втором труде - "Тайной доктрине" - попала под влияние политических кругов; некоторые партии хотели обходным путем достигнуть через нее определенных целей. Е.П. Блаватская должна была стать орудием того, чтобы показать малоценность материалистического мировоззрения Запада по сравнению со знанием Востока.

Главенство Востока над Западом, сначала в духовном, затем и в политическом смысле, - вот что витало перед теми, кто пользовался Е. Блаватской для своих

целей. Их конечной целью было с помощью русского государства создать некую азиатско-индусскую империю.

Таким образом, все движение имело национально-эгоистическую окраску. В первой лекции А. Безант, которую слышал д-р Штайнер, она говорила о теософии и империализме. Здесь А. Безант выступала в защиту стремлений, корней которых она сама не знала, а именно: оторвать Индию от Англии. (Это, правда, не помешало ей стать во время мировой войны английской шовинисткой.)

Национализм в духовном движении всегда является началом конца. То, что в той или иной форме ведет к разделению человечества, с самого начала является разлагающим элементом для течения, стремящегося вести к духовным реальностям. Необходимое жизненное условие для общества, ставящего своей задачей развитие сверхчувственного, это отказ от частных интересов и поднятие к интересам всеобщим. Теософское общество этого не достигло.

Вся несостоятельность теософского течения сказалась тогда, когда оно выявило свое отношение к вопросу о Христе, к вопросу, который должен быть разрешен вне расовых и политических влияний, потому что это вопрос сверхнациональный, всечеловеческий. То, что у Блаватской было, в сущности, только порожденной эмоциями теорией, стало у ее последователей богохульственными деяниями. Когда внутри этого общества основали "Орден звезды на востоке", ставивший своей задачей объединиться вокруг вновь воплотившегося Христа, которого видели в одном индусском мальчике, это было невероятным умалением христианства. Ничего более абсурдного нельзя себе представить.

Теперь для каждого, кто мыслил здраво, было необходимо встать в определенное отношение к этим событиям.

Д-р Штайнер хотел сделать это на съезде в Генуе, который должен был состояться в 1911 г. Для этого он объявил лекцию "От Будды ко Христу" - тема, о которой он уже говорил в то время, когда организовывалась теософское отделение в Германии и он был выбран генеральным секретарем. Было необходимо до конца выяснить взаимоотношения. Но под различными предлогами съезд был отменен.

Д-р Штайнер никогда не уклонялся от той прямой линии, которой он следовал с самого начала, но Теософское общество свернуло на опасный путь зигзагов.

Когда его руководителям было указано на их заблуждения, они возмутились и исключили д-ра Штайнера и его последователей. Это исключение ничего не изменило в деятельности д-ра Штайнера как учителя. В начале столетия он был приглашен Теософским обществом читать лекции и читал лекции, которые по своему характеру были антропософскими. В течение десяти лет он беспрепятственно разрабатывал свое мировоззрение. Но постепенно выяснилось, что оно было несовместимо с теософским мировоззрением.

Антропософия могла бы стать целителем Теософского общества, сгнившего до самого основания.

Руководимый чувством долга, врач пришел, когда его позвали. Но больной, узнав о средствах для излечения, указал ему на дверь и исключил его. Он не захотел согласиться с диагнозом. Больной отказался стать здоровым. Он продолжал погружаться в болезнь. И теперь Теософское общество можно рассматривать как труп.